

Вопрос о положении тюремного духовенства довольно часто обсуждался в последние месяцы. На страницах периодических изданий, с общественных трибун были высказаны мнения как за, так и против введения в России института тюремных священников. Сторонники этого шага, как правило, апеллировали к зарубежному опыту. Однако не следует забывать, что в нашей стране до 1917 года тюремные священники существовали. Ниже мы публикуем статью из Тюремного Вестника за 1893 год. Из нее вы узнаете какие проблемы волновали тюремных батюшек сто с лишним лет назад. Печатается с сокращениями.

Обязанности священника

Прежде всего нужно сказать, что тюремный священник гораздо более, чем приходские священники, имеет возможность поставить свой пастырский авторитет пред своими пасомыми и сделать свое религиозно-нравственное влияние на них более сильным и действительным. Во-первых, все заключенные в тюрьме, без сомнения, переживают трудные минуты жизни, находятся в таком душевном состоянии, в котором человек скорее всего вспомнит Бога и Его закон и прилепится к Церкви и ее священнослужителям. Во-вторых, заключенные в тюрьме окружены начальствующими, по отношению к ним лицами, со всеми их строгостями. Один только священник относится к ним исключительно с духом кротости и братской христианской любви и заменяет для них и родных, и друзей, и знакомых; а потому заключенные могут относиться к нему просто, не питая к нему какой-либо неприязни или опасений, как это бывает у них по отношению к чинам административным, напротив, они должны желать сближения со священником и откровенности. Таким образом, положение священника среди заключенных в тюрьме как прихожан его есть положение совершенно правильное и наилучшее, и он, при собственных наилучших душевных качествах, способностях и усердии, может и должен действовать на заключенных сильнее всех уголовных уложений, всех судебно-гражданских мер и взысканий.

Труд тюремного священника требует постоянных усилий и напряженной деятельности ума, и сердца, и воли.

Ввиду такой важности их тюремный устав довольно подробно и внушительно предугадал обязанности священника как относительно богослужения в церкви, так и относительно религиозно-нравственного влияния его на пасомых. В § 94, 95, 100, 102 и 105 инструкции смотрителю губернского тюремного замка, которая помещена была по изданию устава о содержании под стражею 1857 года, в приложении к ст. 96 говорилось, что богослужение в церкви тюремной должно совершаться во все воскресные и праздничные дни и дни высокоторжественные, во все дни 1-й и 7-й недель Великого поста, и в среду и пятницу каждой остальной недели этого поста, во все дни недели Пасхи и, сверх того, в продолжение всего года в два будничных дня еженедельно, одним словом, не менее трех служб в неделю, а иногда и более. Очевидно, что в исчислении дней и недель, в которые должно совершаться богослужение в тюремной церкви, взято maximum. Более частого совершения богослужения едва ли можно было требовать от священника, если он один при церкви. Но по отношению к тюрьме это так и должно быть. У заключенных все удобства и побуждения к частому посещению храма Божия — и близость его, и свобода от дел житейских, и особенное душевное и телесное состояние их. К этим обязанностям священника нужно, по § 100 той же инструкции, присоединить говение всех арестантов один раз в год, а также, согласно § 158, совершение всех треб церковных по тюрьме, как то: напутствование умирающих, похороны, крестины и совершение браков. Крестины и браки бывают очень редко в тюрьме. Что же касается до

похорон и напутствования умирающих, то исполнение этих двух треб много доставляет труда для священника. Статистических данных для определения количества заболеваний и смертности в тюрьмах вообще мы не имеем; поэтому ограничимся указанием частным. В губернских тюрьмах, в которых число содержащихся колеблется около 400 человек и которые, кроме того, служат пересыльным пунктом, в продолжение года бывает от 30 до 40 похорон, а напутствований, надобно полагать, вдвое более, от 60 до 80. Затем, в той же инструкции были указания и относительно пастырской деятельности священника по тюрьме, а именно: священник должен, по крайней мере, два раза в неделю пройти в камеры и побеседовать с арестантами с целью религиозно-нравственного наставления, вразумления и проч., а по § 159 вменяется ему в обязанность обучение несовершеннолетних

арестантов закону Божию и другим предметам. Насколько велик труд священника по исполнению этих последних обязанностей видно из следующего замечания той же инструкции § 157: «священник должен ознакомиться с нравственностью каждого из содержащихся в тюремном замке, приобрести его доверенность к себе, и основать действия в отношении к исправлению каждого соответственно обстоятельствам». Значит, недостаточно, чтобы священник вел общие беседы с целыми партиями и предлагал

общие советы и наставления, — он должен говорить с каждым отдельно, должен узнать, каковы были обстоятельства его жизни, семейные, общественные, экономические

богослужения и исповеди арестантов).

Но что всего тяжелее — **вся его деятельность совершается внутри самой тюрьмы, при ее специальной обстановке, со всею скудостью и ограниченностью, со всею мрачностью и угнетающим видом.** Особенно тяжелы для священника и вредны для здоровья посещения им камер пересыльных арестантов. Священник должен побеседовать с ними или помолиться, к душевной или телесной их пользе; и такие посещения им пересыльных арестантов нередки, потому что партии их еженедельно или два раза в неделю сменяют одна другую.

Тюремный приход

Но это внешнее положение священника в тюрьме, со всею его непривлекательностью и вредом для здоровья, есть ничто в сравнении с душевными волнениями, сокрушениями, жалостями, которые он

кому совет, кому ободрение. Ибо что значит вразумить заблуждающегося, который перестал сознавать путь погибели и чувствовать силу своего бедственного состояния? Не должен ли вразумляющий сам за него просознать и восчувствовать пред ним всю гибель и мучительность его беззаконной жизни. Что значит утешить скорбящего? Не значит ли его скорбь возыметь в сердце своем, выразить скорбь пред ним и потом уже преподавать утешение. Какими словами и доводами можно ободрить отчаявшегося более, чем сочувствием к безотрадности его положения и собственным воодушевлением из глубины сочувствующей души? Чем скорее можно остановить или хотя умерить слезы плачущего, как не взаимными слезами искреннего сожаления?

О хлебе насущном

Таков, в общих чертах, нравственный труд тюремного священника. Но всякий труд, особенно усиленный, должен сменяться отдыхом и сопровождаться вознаграждением. Нравственный труд требует и нравственного отдыха, нравственного вознаграждения. Не все печалиться и сочувствовать печальным; необходимо и закономерно после печали порадоваться, после сочувствия в печали принять участие в радости, после благого совета, утешения, ободрения видеть благие последствия этого. Но увы! **Священник тюремный лишен этих нравственных вознаграждений. Все его прихождение, чада по духу, друзья и братья по взаимному перенесению скорбей — временные, пока они находятся в тюремном заключении.** Проидет определенный для каждого срок, и они навсегда удалятся от своего пастыря (а если некоторые и возвращаются, то не к радости, а к большому огорчению его), порывая всякие нравственные связи с ним, удаляются кто в отдаленные места, кто на прежнее место своего жительства. Некоторые, может быть, и вблизи его живут, на свободе, но не принадлежат ему как прихожане или совсем забыли его, или стараются забыть, чтобы ни о нем и ни о чем не вспоминать из тяжелой жизни их в тюрьме. Итак священник тюремный не видит той счастливой жизни своих духовных чад и братьев, которая для многих из них настала по выходе из тюрьмы, не видит той благой перемены в настроении и деятельности заблудших сынов общества, которая произошла с ними после тюремного заключения по силе Господа, действовавшего на них. Не на кого ему порадоваться, нечем успокоиться и подкрепиться в столь трудном перенесении обязанностей служения в тюрьме. Напротив, эта трудность оказывается нескончаемою: вышли из тюрьмы одни из его клиентов — на место их являются другие, подобные первым; опять открываются подобные же крайности в душевных настроениях и бедственных состояниях, не менее прежних требующие

со стороны священника сочувствия, сострадания, советов, вразумлений. Тюрьма не бывает пуста, и этим душевным ощущениям священника не бывает конца. Священнику тюремному, сеюшему слезами, не приходится пожинать радостью, и как духовному отцу повеселиться о чадах своих.

Мы обозрели обязанности тюремного священника, физическую и нравственную тяготу при добросовестном выполнении их на практике. Теперь скажем несколько слов о правах и преимуществах его как служащего, а также и о материальном обеспечении его.

В существующих узаконениях по тюремной части ничего не говорится об особенных правах и преимуществах священно- и церковнослужителей при тюрьмах. Отсюда следует, что права и преимущества принадлежат им на общих положениях всего духовенства. Но это не совсем спра-

ведливо. Положение священника при тюрьме особенное. Он, как мы видели, вместе со своими пасомыми томится в тюрьме телесно и душевно. Он, по крайней мере, наполовину заключен с ними, наполовину переносит их страдания. Но кроме всего этого он не может считать себя застрахованным от дерзких оскорблений со стороны озлобленных и закоснелых арестантов-изуверов, от увечья, ран и насильственной смерти. Все эти особенности, трудности и опасности предусмотрены в Уставе тюремном по отношению ко всем прочим служащим при тюрьме, начиная от начальника тюрьмы и кончая надзирателями.

По материальному обеспечению священники тюремные находятся в гораздо худшем положении, чем вообще все духовенство. При всем том, что они не могут и не должны пользоваться какими-либо добровольными подаяниями от прихожан-арестантов, содержание, выдаваемое священно- и церковнослужителям тюремными комитетами и отделениями, бывает весьма малое, даже скудное: оно редко превышает 400 рублей в год в губернских тюрьмах, в том числе и на псаломщика, но часто бывает еще меньшим. Как бы ни было скудно содержание священников в некоторых бедных приходах, но нет хуже и скуднее содержания, которым пользуются священники тюремные.

Поэтому пожелаем, дабы служебное и материальное положение тюремного священника было обставлено лучше, чтобы права и преимущества относительно пенсий и пособий, установленные для начальств тюремных, были распространены и на тюремных священников и церковнослужителей и чтобы им было положено повсеместно штатное жалованье от казны с предоставлением квартиры при самой тюрьме. Подобные меры несколько облегчили бы чрезвычайно тяжелое и поистине безотрадное положение тюремного священника, добросовестно исполняющего сложные и ответственные его обязанности, служащие прямой цели современному исправительного заключения.

Священник Д. ТРОИЦКИЙ

По материалам издания Главного тюремного управления «Тюремный Вестник», №4, 1893 год

От редакции: До 1917 года в Российской империи обязанности по содержанию священно- и церковнослужителей при тюрьмах были закреплены за комитетами и отделениями Попечительного о тюрьмах общества. В Санкт-петербургских местах заключения, непосредственно находившихся в ведении Главного Тюремного Управления, священники получали по 800 руб., а псаломщики по 300 руб. в год. В других местах заключения, где священники получали вознаграждение из средств Государственного казначейства, его размер колебался от 360 до 1000 руб. в год.

Служение тюремного священника хоть и трудно, но и благотно

кие, — до поступления в тюрьму, — в чем он был судим или будет судиться, и проч. и проч., какие его особенные религиозно-нравственные недостатки и похвальные качества его души, и, сообразно всему этому, предлагать советы, увещания, вразумления частные, направленные к тому или другому из арестантов в отдельности.

Отсюда нельзя не видеть, что священник, по исполнению всех его обязанностей, каковы с большою определительностью были указаны в упомянутой выше инструкции, должен быть в тюрьме каждый день — то для службы в церкви не менее трех дней в неделю, то для исполнения разных треб (два раза в неделю), то для беседования с арестантами (два раза в неделю), то для обучения несовершеннолетних арестантов.

И такие посещения им тюрьмы не могут быть кратковременны, как видно из прописанных занятий: иногда он пробудет один час, иногда два, три и даже до пяти часов безвыходно (например в Великий пост для

постоянно испытывает, стоя в самых близких, отеческих отношениях к своим пасомым, будучи свидетелем самых крайних, ужасных их душевных состояний и безотрадного, часто непоправимого, их положения. Существует много категорий среди прихожан тюремного священника, а еще более — отдельных личностей и их душевных настроений: — скорбных или озлобленных, покаянных или закоснелых, безумно-радующихся или безутешно плачущих, томительно ожидающих окончания срока или довольных своим положением. Как Пастырь, как духовный отец, как домашний собеседник, как единственное лицо для всех заключенных, с которыми они могут быть вполне откровенны, которому могут поведать свои тайны душевные, при котором могут излить, как говорится, всю свою душу, он должен тщательно и сочувственно выслушивать их, входить в их положения, ставить себя самого на их место и проникаться их настроениями и, отсюда, извлекать для них кому вразумление,